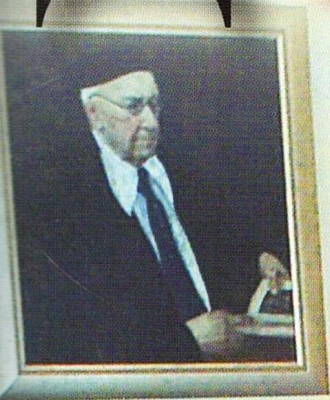

ISSN № 1727-4893

Библиотечное ДѢЛО

www.bibliograf.ru

№ 18 (66) '07

Публичная научная библиотека истории русской философии и культуры «Дом Лосева»

СЛАВА МАТЛИНА

**НУЖНЫ ЛИ БИБЛИОТЕКАМ МУЗЕЙНЫЕ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ?**

О БИБЛИОТЕКАХ-МУЗЕЯХ И МЕМОРИАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕКАХ

3

**МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ
«ГИБРИДЫ» ИЛИ «НОВЫЕ ВИДЫ»?**

7

ЕЛЕНА ВИНОГРАДОВА

**МЕМОРИАЛЬНЫЕ БИБЛИОТЕКИ:
ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ**

14

СВЕТЛАНА МЕДНИКОВА

**БИБЛИОТЕКИ, МУЗЕИ И АРХИВЫ:
ГРАНИ СОТРУДНИЧЕСТВА**

20

ЮЛИЯ ДЕМЧЕНКО

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
ПОИСК ПУТЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

24

НАДЕЖДА МАЛАШЕНКО

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧЁТА ФОНДОВ
ПО ИТОГАМ ОЛЕНЕГОРСКОГО СЕМИНАРА**

28

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

**О ЗАВОДЕ-БАТЮШКЕ И ЗЕМЛЕ-МАТУШКЕ
РАБОТА БИБЛИОТЕКИ-МУЗЕЯ ПО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМУ
ПРОСВЕЩЕНИЮ И РАЗВИТИЮ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

30

АЛЕКСАНДР АНЧИПОРОВ

ПОЛЕ РАТНОЙ СЛАВЫ

БИБЛИОТЕКА В СТРУКТУРЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

32

РОЛДУГИНА

ПРОСТРАНСТВО ПОЭЗИИ

ЕСЕНИНА НА ЛИПЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ

35

НИЧ, ЛЮБОВЬ ФРОЛОВА

ПРИЗНАКИ

«...ОСТАВАЛСЯ И ТОСКУЕТ»

37

«...ВЗДУХОМ ДЫШАЛ И ВОСПИТАЛСЯ»

АФТА И ТВОРЧЕСТВА

39

ОСООБРАЖЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В РАБОТЕ БИБЛИОТЕК-МУЗЕЕВ

42

ЕЛЕНА ВИНОГРАДОВА

Мемориальные библиотеки:

Парадоксальная закономерность

Цель и смысл существования любой библиотеки — удовлетворение потребностей пользователей. Логично предположить, что мемориальная библиотека должна иметь некий особый контингент пользователей со специфическими потребностями.

Елена Борисовна Виноградова, заведующая медиатекой библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева», Москва

НЕОСПОРИМЫЙ приоритет в научной постановке вопроса о парадоксальности недавно появившегося и уже ставшего «модным» понятия «мемориальная библиотека» принадлежит Славе Григорьевне Матлиной: «Мемориальная функция библиотеки давно заявлена как сущностная. Формирование, сохранение и продвижение документов как носителей исторической памяти, собственно, и отличает библиотеку от многих других культурных институтов. Не парадоксально ли в таком случае говорить о мемориальной библиотеке, и что добавляет это понятие к традиционному взгляду на наши профессиональные задачи?»¹

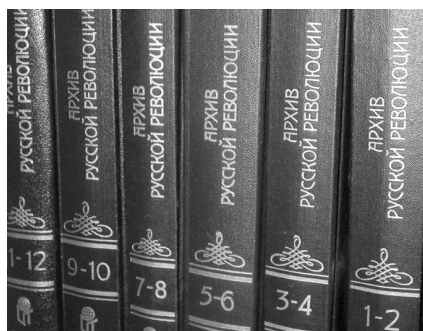
Слова о роли библиотеки как хранителя коллективной, национальной памяти давно стали «прописной истиной». Ю. Н. Столяров объясняет, как и почему всё это произошло. Необходимость фиксирования значимых сведений обусловила появление письменности и документов; постепенно возникла потребность собирать эти документы и обеспечивать их хранение в течение всего времени, пока они представляют общественный интерес. Так появились совокупности документов, в частности, библиотечные фонды. Именно поэтому функция «памяти человечества» (по меткому определению Б. Шоу) изначально, генетически присуща библио-

течному фонду, а само слово «память» заслуживает того, чтобы рассматривать его не как удачную метафору, а как библиотекведческий термин.² Но следует ли из этого, что «мемориальная библиотека» — всего лишь тавтология, «масло масляное», продукт терминологической неряшливости? Давайте разберёмся.

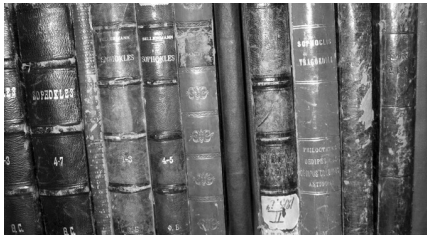
Понятие «мемориальный» восходит к латинскому слову «memoria» в его самом общем значении «память». В словарях русского языка спектр значений понятия «мемориальный» варьируется от «установленный в память», «служаший» или «предназначенный» для сохранения памяти до более широкого — «связанный с памятью». Однако с библиотекведческой точки зрения такую широкую трактовку нельзя признать удовлетворительной: тогда, например, мемориальными придётся считать любые библиотеки, которым присвоены почётные имена — ведь тем самым они связаны с памятью об известных людях.

Обратимся к теории музейного дела. Здесь мемориальность — свойство музейных предметов, указывающее на их принадлежность конкретному лицу или событию, характеристика места или здания, в котором расположен музей, свойство музейной экспозиции соответствовать исходной бытовой обстановке, и, наконец, особый ритуал посещения музея.³ Значит, для музеологов мемориальность — это прежде всего подлинность, и в то же время способность вызывать особое эмоционально состояние. Но какое?

Ответ на этот вопрос даёт теория смыслогенеза, в рамках которой описано явление вторичной партисипации (экзистенциального природнения, особого рода включённости), когда человек, утрачивая единство с объектом, стремится овладеть хотя бы его

знакообразом. Путем оформления переживания партиципации в социально воспринимаемый знакообраз и рождается смысл — ценностно переживаемое значение.⁴ Значит, под трудно объяснимым ощущением «мемориальности» скрывается именно состояние сопричастности с феноменами прошлого. Поэтому мемориальным следует считать любой объект, обладающий повышенной способностью вызывать такое состояние.

Может ли обладать этим свойством отдельный документ? Несомненно. Представьте, что держите в руках книгу с автографом своего любимого первого учителя, и других доказательств уже не потребуются. В принципе, любой документ не только снабжает нас информацией, но и напоминает о своём авторе, о времени создания, о событиях той эпохи и т. д. То есть, помимо мемориальной функции, связанной с хранением информации (её можно назвать пассивной), любой документ при использовании — в той или иной степени, явно или латентно — выполняет активную мемориальную функцию, вызывая более или менее осязаемое состояние сопричастности с прошлым. Эта двойственность — не различные процессы, а две взаимообусловленные и диалектически связанные составляющие единого феномена мемориальности документа.

А может ли обладать аналогичными свойствами книжное собрание? Конечно. Именно это и происходит в домах-музеях (музеях-квартирах, усадьбах), где экспонируются домашние библиотеки великих писателей или выдающихся учёных. Даже такое книжное собрание-экспонат выполняет не только пассивную, но и активную мемориальную функцию, ведь оно моделирует и передаёт нам уникальную картину мира, существовавшую для прежнего владельца. Важную роль здесь играет то, что книги не вырваны из «контекста», они продолжают составлять единство с домашней обстановкой, историческим зданием и т. д. Если же владельческое книжное собрание попадает в публичную библиотеку, где, сохранив свою целостность, становится основой для мемориального читального зала или кабинета, возможность использования книг де-

лает активную мемориальную функцию такого собрания особенно эффективной. Добавочным стимулом здесь может стать зрительное восприятие артефактов музейной экспозиции, исторический или стилизованный интерьер, приемы театрализации в библиотечном обслуживании и т. п.

Многие публичные библиотеки наряду с базовой функцией — аккумуляцией и хранением документов — выполняют такие **дополнительные мемориальные функции**. Формы их реализации очень разнообразны: от присвоения библиотеке почётного имени, проведения традиционных мероприятий (чтений, читательских конференций, выставок, вечеров памяти) до создания развернутых музейных экспозиций и углублённой научной работы.

Но становится ли при этом вся библиотека мемориальной? Для выработки чёткого критерия придётся определить необходимый объём этой дополнительной деятельности, формализовать, «привести к общему знаменателю» необычайно разнообразные приёмы и методы. Возможно ли это? В одной библиотеке открыли мемориальную экспозицию, в другой изучают и возрождают традиции местных ремёсел, в третьей можно «погрузиться» в атмосферу дворянского салона XIX века, а в четвёртой взять в руки бережно отреставрированные книги из домашней библиотеки великого учёного... Все эти формы реализации дополнительных мемориальных функций могут к тому же проявляться как временные, периодические или постоянные.

В некоторых библиотеках постепенно формируются целые мемориальные комплексы: историческое здание, мемориальный читальный зал, владельческое книжное собрание, музейная экспозиция, памятник, специфическое название или почётное имя и др. В таких библиотеках одна из дополнительных мемориальных функций становится общесистемной, явно **доминирующей**; она привлекает, концентрирует материальные и интеллектуальные ресурсы, отражается на профиле комплектования фонда, находит всё более активную поддержку читателей.

Но даже выполнение доминирующей дополнительной мемориальной функции практически невозможно рассматривать в качестве обобщённого критерия мемориальности библиотеки в целом, настолько эта деятельность может быть разнообразна и непоставима по своей форме и масштабам. Правильнее рассматривать любую мемориальную деятельность в качестве индикатора,

тора, указывающего на наличие тех или иных дополнительных мемориальных функций, а вывод делать исходя из её результата. В чем же состоит этот результат?

Цель и смысл существования любой библиотеки — удовлетворение потребностей контингента пользователей. Логично предположить, что мемориальная библиотека должна иметь некий особый контингент пользователей со специфическими потребностями. Понять «механизм» возникновения такого пользовательского контингента нам поможет теория «мест памяти» (lieux de mémoire) французского историка Пьера Нора. Эта теория позволяет отчётливо увидеть разницу между мемориальным и историческим.

Как ни парадоксально звучит, но память — это актуальный феномен, «связь с вечным настоящим», её носители — живые социальные группы. Общая память дополнительно сплачивает такие группы, история же «принадлежит всем и никому». На границе этих феноменов создаётся ситуация, «когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется ещё достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема её воплощения».⁵ Именно тогда и возникают «места памяти», своеобразные ревностно оберегаемые «бастионы», где сохраняется «спасённая память». Таким образом, в «местах памяти» то, что ещё осталось от некогда повсеместной «живой памяти», удерживается от окончательного перехода во власть истории. Причем «место памяти» не обязательно место в физическом смысле. Таковым может служить даже литературное произведение или кинофильм. А такое

место как, например, архивное хранилище, не станет «местом памяти», если воображение не наделит его некой символической аурой. П. Нора называет места памяти «объектами, управляющими присутствием прошлого в настоящем».⁶

Любая библиотека в силу своей онтологической принадлежности к институтам сохранения памяти и особой роли в создании единого культурного пространства явно предрасположена служить «местом памяти». И если библиотека берёт на себя особую миссию по сохранению памяти о выдающемся человеке или значимом событии, она обязательно привлечёт особых пользователей — тех, кто активно сопротивляется наступлению истории на «живую» память, постоянно «реанимируя» её через собственное ощущение сопричастности и создавая при этом новые культурные смыслы. Такой контингент можно назвать «паломническим»: эти читатели приходят не потому, что библиотека удобно расположена или имеет в фонде какие-то уникальные книги, которых нет в других библиотеках, а потому, что здесь для них — «место памяти».

Изучение признаков и характеристик паломнического библиотечного контингента — одна из перспективных задач библиотечной социологии. Мы же должны ответить на вопрос: достаточно ли наличия паломнического контингента, чтобы признать библиотеку в целом мемориальной? Видимо, нет, поскольку паломнический контингент может быть в отдельных случаях привлечён не библиотекой как таковой, а, например, лишь мемориальной экспозицией или даже просто историческим зданием. Такому «экскурсанту» вообще будет безразлично, что расположено в здании — библиотека, санаторий или серпентарий. Поэтому его явно «паломнический» визит, тем не менее, нельзя считать визитом в библиотеку, которая, согласно теории системного подхода, представляет собой неразрывное единство четырёх составляющих: библиотечного персонала, контингента пользователей, материально-технической базы и библиотечного фонда — основополагающего элемента библиотеки как системы. О нём и пойдет речь.

Логично предположить, что у мемориальной библиотеки должен быть мемориальным в первую очередь её базисный элемент, т. е. фонд. Но достаточно ли наличия в фонде мемориального собрания или даже мемориального документного подфонда (владельческого собрания, дополненного современными из-

даниями, работами исследователей и т. п., вплоть до артефактов музейной экспозиции), чтобы сделать весь фонд библиотеки мемориальным? Предположим, в некую районную публичную библиотеку поступит владельческое книжное собрание известного человека, а потом даже появится мемориальная экспозиция. Будет ли после этого восприниматься как мемориальная целостность набор самых разнообразных документов фонда этой публичной библиотеки, включая детективы, модные романы, развлекательные журналы? Разумеется, нет. Для формирования такой целостности весь профиль комплектования библиотеки должен быть напрямую связан с прежним владельцем книг, его эпохой и областью творчества.

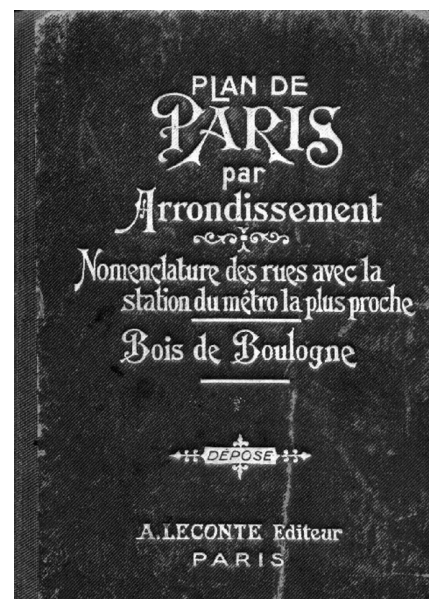

Какой же библиотечный фонд можно считать действительно мемориальным? Прежде всего, это домашние библиотеки в мемориальных квартирах, домах-музеях и музеях-усадебках: они полностью состоят из мемориальных документов и не перестанут быть мемориальными, даже если будут дополнены современными переизданиями трудов владельца и работами исследователей его творчества (хотя бы потому, что при жизни владельца такие книги обязательно попали бы в его библиотеку как авторские экземпляры или подарки). **Мемориальными необходимо считать фонды, имеющие уникальное исторически сложившееся специализированное комплектование.** Специализация здесь — неперемное условие, т. к. именно она гарантирует наличие социальной группы (например, профессиональной), для которой фонд будет служить «местом памяти». Неспециализированная же совокупность книг может иметь огромную историческую и научную ценность, но при этом как единое целое не иметь мемориальной значимости. Мемориальными будут и фонды, целиком состоящие из взаимосвязанных мемориальных подфондов, собраний или коллекций, а также только из мемориальных изданий (Книг Памяти, юбилейных альбомов).

Поводя итог, можно сформулировать следующие условия мемориальности библиотечного фонда: его состав ограничивается мемориальными документами, мемориальными документными подфондами, мемориальными изданиями, или же фонд одновременно является специализированным и исторически значимым. Таким образом, ввиду неустраняемой многозначности понятие «мемориальный фонд» должно рассматриваться как обобщающее.

Поскольку фонд — базисный элемент библиотеки, а контингент пользователей — цель и смысл её существования, необходимым и достаточным условием мемориальности библиотеки в целом следует считать **одновременное наличие полностью мемориального библиотечного фонда и паломнического контингента его пользователей.**

А как же материально-техническая база и библиотечный персонал? Эти элементы системы «библиотека» в данном случае вторичны. Библиотека может быть «местом памяти», не располагая ни персоналом, осознающим свою высокую миссию и имеющим особую квалификацию, ни мемориально значимой или специализированной материально-технической базой. Правда, выполнять свою мемориальную роль такая библиотека будет неэффективно (из-за отсутствия должного комфорта для пользователей) и, вероятно, недолго (из-за отсутствия должной заботы о сохранности мемориального фонда). Что же касается мемориальной деятельности, то, какие бы сложные и оригинальные формы она ни принимала, это не самоцель. Ведь в конечном итоге действия библиотечарей всегда направлены на

формирование и сохранение фонда, привлечение контингента пользователей и удовлетворение его потребностей.

Предлагаемый чёткий критерий (одновременное наличие мемориального фонда и паломнического контингента) позволяет рассматривать мемориальные библиотеки как самостоятельный вид. Этот вид может быть представлен в простейшей дихотомической классификации (вся совокупность библиотек распадается на мемориальные и немемориальные) или в более сложной двухфасетной (когда вся совокупность библиотек делится на имеющие/не имеющие мемориальный фонд и паломнический контингент соответственно).

Сразу оговоримся, что таким классификациям присущи все недостатки примитивного дихотомического деления; их главная и, пожалуй, единственная роль — показать, что мемориальные библиотеки действительно фигурируют как вид в родо-видовой классификации. Предложенное деление не позволяет сказать ничего определённого о месте, занимаемом мемориальными библиотеками относительно прочих библиотек, выполняющих мемориальные функции в той или иной степени выше базового пассивного уровня, связанного с хранением документов. Поэтому выстроим более детализированную схему, охватывающую все библиотеки с точки зрения составляющих выявленного критерия мемориальности (во избежание излишней сложности трёхмерного графического изображения фасеты на рисунке условно показаны в одной плоскости).

Рис. 1. Комбинативная классификация библиотек по критерию мемориальности.

Стрелкой показан вид «мемориальные библиотеки».

Переменный организованный паломнический контингент характерен для домашних библиотек в музеях-квартирах и т. п.; он представляет собой экскурсионные группы посетителей. Постоянный организованный паломнический контингент более характерен для публичных библиотек, регулярно

проводящих мемориальные мероприятия. На практике библиотека может иметь представителей всех трёх подвидов паломнического контингента; систематизация по этому признаку должна происходить на основе приоритета наличия пользователей более высокой степени организованности.

Предложенная схема необходима и достаточна для определения классификационного статуса мемориальных библиотек как самостоятельного вида. Она, разумеется, может быть дополнена фасетами, характеризующими библиотеку с точки зрения наличия специфической материально-технической базы или особых профессиональных качеств библиотечного персонала, однако это значительно усложнит целостное восприятие, не добавив принципиально значимой информации.

Собирательность понятия «мемориальный фонд» позволяет структурировать и сам вид «мемориальные библиотеки» в зависимости от характера имеющегося фонда и его доступности для пользователей. На рис. 2 представлена одна из возможных классификаций собственно мемориальных библиотек, показывающая существование подвидов и разновидностей внутри вида «мемориальные библиотеки»:

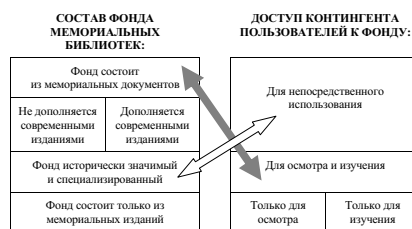
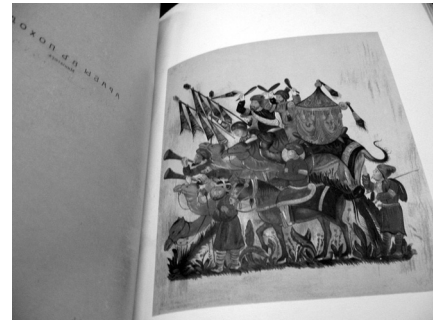

Рис. 2. Подвиды и разновидности мемориальных библиотек.

Стрелками показаны примеры: темной — библиотеки домов-музеев (усадеб, квартир), белой — специализированные публичные мемориальные библиотеки.

Примером специализированной публичной мемориальной библиотеки может служить Дом Плеханова (Санкт-Петербург), созданный в 1929 г. в качестве филиала Государственной публичной библиотеки на основе архива, библиотеки и обстановки женевского кабинета Г. В. Плеханова. Позднее в Дом Плеханова были переданы архивы В. И. Засулич, А. И. Любимова, А. Ф. Бурьянова и других общественных деятелей России. Для удобства научной работы читателей и сотрудников дополнительно собран подфонд (сотрудники называют его «подсобная библиотека»), который насчитывает около 10 тысяч единиц хранения и соответствует общему исторически сложившемуся

профилю комплектования. Этот подфонд содержит издания начиная с середины XIX в., времён революции и гражданской войны в России, белоэмигрантские издания (некоторые из них — библиографическая редкость, единственные сохранившиеся на территории России экземпляры).⁷ Таким образом,

Дом Плеханова обладает полноценным мемориальным фондом, одновременно исторически значимым и специализированным.

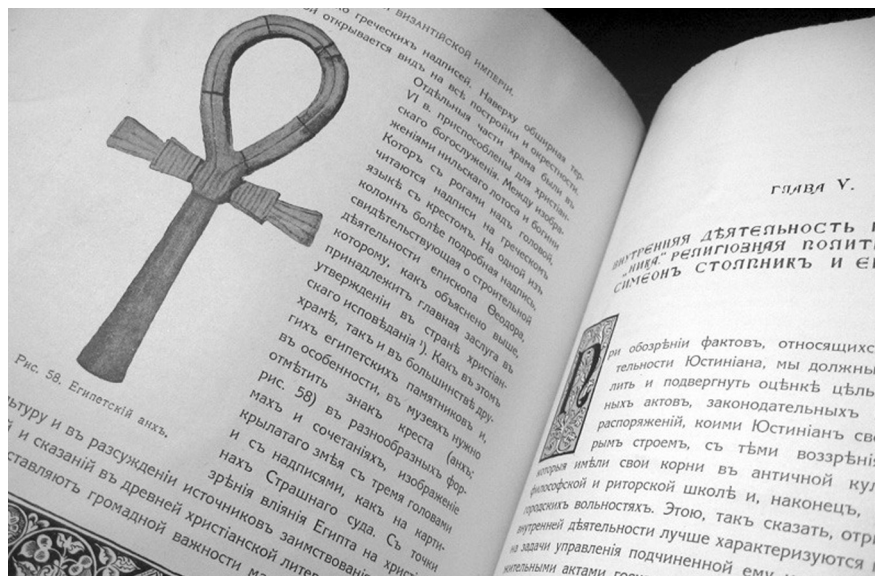
Деятельность Дома Плеханова сложна и разнообразна: обслуживание читателей, проведение научных семинаров и конференций, поиск и публикация материалов, относящихся к жизни и деятельности Г. В. Плеханова и других фондообразователей. Поддерживаются контакты с исследователями в России и за рубежом, проводятся Плехановские чтения, выставки, экскурсии, ведётся работа над музейной экспозицией, посвящённой истории российской социал-демократии, и многое другое. Несмотря на то, что в настоящее время юридически Дом Плеханова — структурное подразделение Российской национальной библиотеки, он может быть признан самостоятельной мемориальной библиотекой ввиду своей территориальной, смысловой и функциональной обособленности. Дом Плеханова не только напоминание о человеке, он продолжает оставаться «средством распространения и пропаганды идей Г. В. Плеханова, и, следовательно, продолжением того дела, которому Георгий Валентинович посвятил всю свою жизнь».⁸ Иными словами, существование этой библиотеки обеспечивает непрерывность той живой памяти, которая и отличает мемориальность от простого знания фактов истории.

Итак, мемориальные библиотеки — самостоятельный вид. Но в каком соотношении с ними находятся все остальные библиотеки, в той или иной степени выполняющие дополнительные мемориальные функции? Они формально не соответствуют строгим требованиям, предъявляемым к мемориальным библиотекам как виду (прежде всего в части наличия полноценного мемориального фонда), однако обладают схо-

жими характеристиками деятельности. Для научной систематизации этого феномена обратимся к типологии.

Руководствуясь положением о том, что «типологическая модель может быть результатом обобщения как исторически сложившихся признаков некоторой группы библиотек, так и целенаправленного их формирования, отражающего потребность общества в определенном типе», выдвинем гипотезу о появлении и активном развитии в конце XX – начале XXI вв. особой группы библиотек мемориального типа. Признаки этой группы таковы:

- хранение и/или формирование одного или нескольких мемориальных собраний и/или подфондов;
- высокая гостеприимность в отношении архивных документов и предметов музейного значения;
- работа по сохранению (воссозданию) исторической (стилизованной) части материально-технической базы;
- наличие специализированного оборудования, обеспечивающего сохранность и/или экспонирование мемориальных ценностей;
- предъявление особых квалификационных требований к персоналу;
- сотрудничество с другими организациями, имеющими отношение к избранной тематике;
- регулярное участие библиотеки в сторонних мероприятиях, связанных с тематикой её мемориальной деятельности; организация аналогичных собственных мероприятий;
- поддержание отношений с носителями «живой памяти» (потомками, учениками выдающихся людей, участниками или свидетелями исторических событий и т. п.);

- привлечение пользователей к активному сотрудничеству в качестве трансляторов «живой памяти»;
- функционирование библиотеки как объекта туристического интереса;
- наличие почётного имени (специфического названия) или стремление его получить;
- стремление к самоидентификации в качестве мемориального центра.

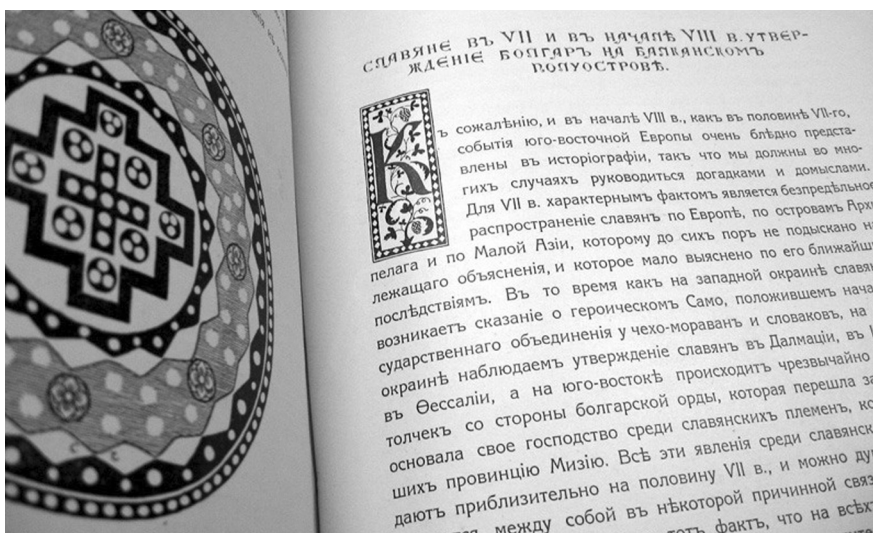
Если перечисленные признаки (или их подавляющая часть) связаны с выполнением доминирующей мемориальной функции (или даже двух-трёх равнозначных дополнительных мемориальных функций), есть основания говорить о принадлежности библиотеки к мемориальному типу.

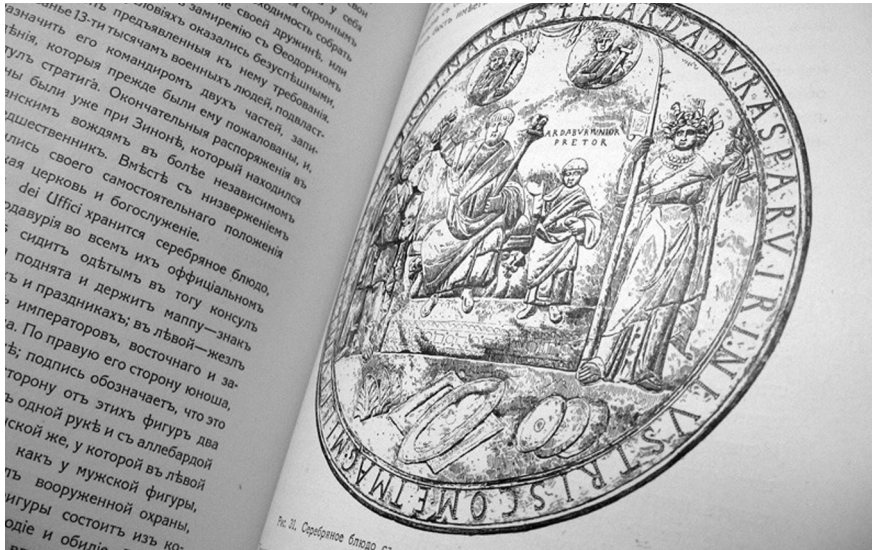
Библиотека мемориального типа может не иметь полноценного мемориального фонда при наличии развёрнутой мемориальной деятельности, а мемориальная библиотека как вид может не иметь деятельностных типологических характеристик при обязатель-

ном наличии мемориального фонда. Паломнический контингент пользователей — неперемutable условие для мемориальных библиотек как вида, а для библиотек мемориального типа достаточным условием будет рассмотрение широкого пользовательского контингента как потенциально паломнического. В целом же библиотеки мемориального типа и вид «мемориальные библиотеки» соотносятся между собой как частично пересекающиеся множества, поскольку мемориальная библиотека, отвечающая видовому критерию, может одновременно иметь и всю совокупность деятельностных типологических характеристик.

Итак, в библиотечном деле обозначилась новая динамичная совокупность библиотек, состоящая как из представителей вида «мемориальные библиотеки», так и развитых библиотек мемориального типа, по-своему выполняющих одну и ту же функцию — поддержание «живой» памяти о личности, событии или культурном явлении. Парадокс состоит в том, что всё это происходит, невзирая на наличие музеев — признанных и авторитетных учреждений-хранителей памяти.

А может быть, активная мемориальная роль библиотек не так уж нова, просто раньше она была не столь заметна? Эта гипотеза находит обоснование, если обратиться к теории «культурной формы» — понятия более широкого, чем «культурный институт». Культурный институт представляет собой позднюю, более развитую, институционально оформленную стадию развития культурной формы. При этом именно учреждение обычно «открывает» наличие той или иной формы в культуре и даёт ей имя.¹⁰

Библиотеки, активно выполнявшие, наряду с хранением письменных документов, функцию актуализации и трансляции памяти, как культурная форма существовали давно. Еще в XVII столетии французский учёный-иезуит Клод Клеман разработал «идеальную модель» библиотеки, где обязательно должны быть представлены памятники материальной культуры. Такая «визуальная библиотека» создавала систему ориентиров при поиске книг, а также содержала изображения, которые оказывают эмоциональное воздействие и вызывают желание учиться, одновременно выполняя функции цензуры, показывая, каких авторов следует исключать, а каких представлять как триумфаторов.¹¹

В России первой четверти XIX века почти одновременно были предложены две концепции: Русского национального (Ф. Аделунг) и Российского отечественного (Г. Вихман) музеев. Главная идея проектов состояла в том, что «только в совокупности книги, рукописи, памятники, бытовые вещи могут дать полное представление о каком-либо предмете».¹² В период музейного «бума» середины XIX в. происходит формирование «Русского Сборника» князя А. И. Бярятинского и графа И. М. Виельгорского; это собрание должно было включать всё, относящееся к истории России и славянских народов. Основу музея-кабинета должна была составить обширная библиотека, дополненная древностями.¹³

Подобные проекты осуществлялись и вдали от столиц. Пример — церковно-миссионерская библиотека Обдорского (ныне г. Салехард Ямало-Ненецкого округа) миссионерского братства во имя св. Гурия, основанная в конце XIX в. игуменом о. Ири-

нархом (в миру — И. С. Шемановский). Для читателей библиотека открылась в 1906 г., и тогда же по инициативе о. Иринарха при братстве был создан музей — хранилище этнографических редкостей, отражающий быт коренных народов Тобольского Севера. Долгое время музейные вещи размещались прямо в книгохранилище и читальне.¹⁴ Традиция не прерывается на протяжении всего XX века. Так, в Таганроге в 1914 г. открылась библиотека-музей А. П. Чехова. В Москве в 1938 г. открывается музей-библиотека Владимира Маяковского.¹⁵ Современный пример — Музей-библиотека «Книги блокадного города», созданный в 1996 г. в Санкт-Петербурге.¹⁶

Историческая взаимосвязь библиотек и музеев — следствие онтологической предпосылки, состоящей в принадлежности и тех, и других к единой системе документальных коммуникаций; именно поэтому «библиотеки гостеприимны к документам, вне зависимости от способов их воспроизведения и внешнего вида», поэтому различия между библиотеками и музеями «в значительной степени относительно условны, подвижны».¹⁷

Сложные и болезненные социальные перемены последних десятилетий вызвали обостренную потребность найти дополнительные «точки опоры» в нашем прошлом; следствие — лавинообразное появление новых «мест памяти» на гостеприимной библиотечной «почве». Теперь они тоже становятся культурным институтом, происходит их самоидентификация, институализация второго уровня внутри уже сложившегося культурного института библиотек в целом. Именно поэтому мемориальные библиотеки и библиотеки ме-

мориального типа внезапно предстали перед нами как «открывшаяся» новая культурная форма, заявив в полный голос о своём праве на существование и требуя всеобщего признания.

А это значит, что «парадокс» мемориальных библиотек вполне закономерен.

¹ Матлина С. Г. Мемориальная библиотека: парадокс или закономерность? (Постановка проблемы) // Библиотека в контексте истории: Материалы 4-й междунар. науч. конф., Москва 24–26 октября 2001 г. — М.: Пашков дом, 2001. — С. 79–80.

² Столяров Ю. Н. Библиотека: структурно-функциональный подход. — М.: Книга, 1981. — С. 78.

³ Дмитриева Е. К. Мемориальные музеи // Российская музейная энциклопедия. — М.: Прогресс: Рипол-классик, 2005. — С. 356.

⁴ Пелипенко А. А. Генезис смыслового пространства и онтология культуры // Человек. — 2002. — №2. — С. 6–21.

⁵ Нора П. Между памятью и историей: Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озюф, Ж. де Пюиже, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. — СПб.: Изд-во СИГУ, 1999. — С. 17.

⁶ Там же, С. 43.

⁷ Смирнова И. В. К истории создания справочно-библиографического аппарата библиотеки Дом Плеханова // К 75-летию Дома Плеханова: 1928–2003. Сборник статей и публикаций, материалы конференции. — СПб.: Изд-во «РНБ», 2003. — С. 112–113.

⁸ Филимонова Т. И. «...Организация дома является лучшей данью светлой памяти Георгия Валентиновича...» (К 75-летию со дня образования. 1928–2003) // К 75-летию Дома Плеханова: 1928–2003. Сборник статей и публикаций, материалы конференции. — СПб.: Изд-во РНБ, 2003. — С. 8.

⁹ Гусева Е. Н. Формирование типологии библиотек в отечественном и зарубежном библиотековедении (XX–начало XXI вв.): Автореферат дис. канд. пед. наук: 05.25.03. — М., 2006. — С. 21.

¹⁰ Калугина Т. П. Художественный музей как феномен культуры. — СПб.: ООО Изд-во «Петрополис», 2001. — С. 9–10.

¹¹ Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек. — СПб.: Профессия, 2002. — С. 93–95.

¹² Майстрович Т. В. Два проекта Российского Национального музея // Библиотека в контексте истории: Материалы 4-й междунар. науч. конф., Москва, 24–26 октября 2001 г. — М.: Пашков дом, 2001. — С. 62.

¹³ Воробьева Е. В. «Русский Сборник князя А. И. Бярятинского: от идеи к воплощению» // Библиотека в контексте истории: Материалы 5-й междунар. науч. конф., Москва 21–23 октября 2003 г. — М.: Пашков дом, 2003. — С. 405–417.

¹⁴ Дрозникова С. Великая миссия монаха Шемановского // Библиотека. — 2000. — №12. — С. 81–82.

¹⁵ Великовская Г. В. Библиотека и музей: проблемы взаимодействия // Библиотеки Москвы — юношеству: Практика работы, проекты, информация. — Вып. 13. — М., 2005. — С. 55–56.

¹⁶ Англичаннинова Н. История становится ближе // Библиотека. — 2000. — №9. — С. 30.

¹⁷ Столяров Ю. Н. Что такое библиотека? (О её сущности и исходных функциях) // Столяров Ю. Н. Библиотековедение: Избранное. 1960–2000 годы. — М.: Пашков дом, 2001. — С. 254.

С автором можно связаться:
infinito9@mail.ru